

ТО, ЧТО НЕ ЧИТАЮТ

«Блуждающие тени»

Паскаля Киньяра

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВ

Июньский номер журнала «Звезда» опубликовал небольшую статью Ларисы Залесовой-Докторовой о прошлогоднем гонкуровском лауреате Паскале Киньяре. Точнее, о романе, который и принес Киньяру самую престижную французскую литературную премию, — «Блуждающие тени» (одна из частей задуманного огромного произведения «Последнее царство»). Сами французы считают роман неудобочитаемым, и вряд ли он в ближайшее время увидит свет на русском языке, так что статья в «Звезде» — одна из немногих возможностей получить какое-никакое представление о нем, тем более что автор приводит довольно обширные выписки.

«Блуждающие тени» Залесова-Докторова рассматривает как своего рода апологию одиночества, сравнивает Киньяра с Виктором Пелевиным (что довольно странно), говорит о бессюжетности, фрагментарном повествовании, которое распадается на максимы, сентенции, наблюдения, замечания рефлексивного характера, цитаты и прочую розановщину (кстати, с Розановым Киньяра куда логичнее сравнивать, нежели с Пелевиным).

Дело, впрочем, не только в романе, но в самом Киньяре. Роман, который французы хвалят за язык, ругают за снобизм и тяжесть, безусловно, жест. Но он лишь логичное продолжение продуманной и осмысленной стратегии писателя. Философ, музыкант, интеллектуал, преуспевающий литератор, редактор знаменитого издательства «Галлимар», человек успешный, вне всяких сомнений, в один прекрасный день Киньяр решительно изменил социальное поведение, то есть свое участие в общественной жизни свел к нулю.

«В апреле 1994 года я вышел из Лувра, посмотрел на голубое небо, на светящиеся белые стены музея и неожиданно ускорил шаги. Я пришел на улицу Себастьян-Боттен (адрес издательства «Галлимар»), толкнул массивную деревянную дверь и в одно мгновение отказался от всех своих функций».

То, что Киньяр светскому шуму и многолюдству предпочел творческое уединение и тишину, вроде бы не слишком удивляет. В конце концов, всякий художник, подобно зверям, которые рожать и умирать предпочитают в укрытии, вдали от чьих-либо глаз, «живет один» и в минуты вдохновения бежит в «широкошумные дубровы». И вообще современный западный мир прочно утвердил право каждого на одиночество, автономность — как одно из главных условий личной независимости. Одиночество, таким образом, один из атрибутов комфортного существования. Другое дело — одиночество как следствие социальной ущербности, когда человек не столько хочет, но вынужден быть одиноким. Это уже знак беды и неблагополучия, прелюдия (или аккомпанемент) депрессии.

Или одиночество принципиальное, подчеркнутое демонстративным жестом. Отшельничество слабо вписывается в современную культуру, кажется подозрительным и враждебным. И не без оснований.

Жест Киньяра во многом продиктован раздражением, которое он и не особенно скрывает. «Все, что сейчас наводняет мир, мне не нравится. Современные ценности меня ужасают... Религиозные войны, восхищение смертью, обожествление женщины, демократии более агрессивные, чем были во времена Перикла, стадная молодость, фетиш техники».

И в этом раздражении Киньяр не одинок. Мотив ухода, оставления, отторжения начинают звучать все настойчивее.

Он и в названии романа Яна Эшноза «Я ухожу». Его легко найти у Мишеля Уэльбека, который вовсе не случайно в одной из статей написал, что наше время созвучно творчеству Чорана (вот уж кто был знаменитым мизантропом и отшельником). Его просто обнаружить у Коупленда. Он становится лейтмотивом только что вышедшего романа Бена Элтона «Смерть за стеклом», который едва ли не наполовину состоит из брюзжания пожилого инспектора Колриджа на современные ценности, современный язык, современные шоу и современную культуру молодых. «Они не хотят думать. Мысли заменили ощущениями», — сетует Колридж, морщась от телевизионной пошлости и беззастенчивой манифестации своей исключительности, которая для героев шоу чуть ли не единственный путь к верному успеху.

Современность привыкла кричать о себе, выставлять себя на показ, не стесняться, не комплексовать, наслаждаться признанием, популярностью. Современность культивирует публичность, массовость. Зачем ей «Блуждающие тени», их сложное аллюзийное письмо и необходимость по крайней мере медленного чтения. Сюжетность, легкость, динамизм, непринужденная ирония, живая болтовня, трюки и спецэффекты, визуальный фаст-фуд привлекают гораздо больше.

С этой точки зрения роман Паскаля Киньяра — действительно продолжение его принципиального ухода, одиночества. Роман, как будто предназначенный для *непрочтения* и уж во всяком случае намеренно не рассчитанный на популярность и высокие тиражи.

Говорит ли это само по себе о его художественных достоинствах — вряд ли.

Скорее всего, «Блуждающие тени» — попытка сказать, что художественные достоинства расходятся с современностью все больше и больше. И попытка хоть что-нибудь спасти:

«Моя серия «Последнее царство» — это мой Ноев ковчег, мне он нужен, чтобы спастись от потопа, чтобы спрятать беспокойство мысли, тайну, красоту, природу, искусство».